

ЭЗСКІЯ ВОДЫ.

Аостъ — прекрасный городокъ, не принадлежащій ни къ Савоіи, ни къ Піемонту: жители сію утверждаютъ, что земля ихъ входила въ составъ той части имперіи Карла Великаго, которая досталась въ наслѣдство фамиліи Штралингенъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя они выставляютъ пособіе войскомъ, однакожь не платятъ никакихъ податей и сохранили право свободной охоты; во всемъ прочемъ кой-какъ повинуются королю Сардинскому.

Исключая отвратительнаго нарѣчія, которое, кажется, произошло отъ испорченнаго Савойскаго языка, весь Аостъ имѣетъ характеръ Италіанскаго города: вездѣ, внутри домовъ, обои и столярная обдѣлка замѣнены фресковою живописью, и трактирщики всегда подчуютъ васъ за

обѣдомъ какимъ-то тѣстомъ и сливками, которыя они величаютъ пышными названіями макаронъ и собѣйна. Къ этому прибавьте Астіѣское вино и котлеты à la milanaise, и вы будете имѣть полное понятіе о Вальдаостенскомъ обѣдѣ.

Городъ Аостъ назывался прежде Кордель, по имени Корделія Латіеля, начальника основавшейся здѣсь колоніи цизальпинскихъ Галловъ, Салассовъ. Въ царствованіи Августа, Тарквиній Варонъ, предводительствуя Римскимъ легіономъ, овлавлѣлъ ею и въ память этого событія выстроилъ у городскихъ воротъ триумфальную арку, которая и нынче еще цѣла; на ней вырѣзаны слѣдующія двѣ надписи, принадлежащія къ новѣйшимъ временамъ :

Салассъ долго защищалъ свои пепелища;
Но онъ палъ : и побѣдоносный Римъ
Здѣсь положилъ свои лавры.

Во славу Октавія-Августа Цезаря!
Огнь разбилъ здѣсь на голову Салассовъ,
Въ лѣто отъ основаніа Рима DCCXXIV.
(За 24 года до рождества Христова.)

Въ концѣ улицы Тройцы другія три

древнія арки, изъ сѣраго мрамору образуютъ трое воротъ, изъ которыхъ въ одни ужъ никто не ѣздитъ; средняя арка, по выше другихъ двухъ, была исключительно назначена для императора и консула; на одной изъ ея колонъ есть надпись :

Императоръ Октавій-Августъ воздвигъ эти стѣпы,
Выстроилъ городъ въ три года
И далъ ему свое имя, въ лѣто отъ основанія Рима
DCCXXVII.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этого монумента видны кой-какіе остатки амфитеатра изъ сѣраго мрамору.

Въ архитектурѣ церкви видны разные характеры эпохъ, въ которыя она была основана и перестроена. Паперть въ Римскомъ стилѣ, съ оттънкою Италіанскаго вкуса; окна сн ogive могутъ быть отнесены къ началу четырнадцатаго столѣтія. На хорахъ, вымощенныхъ древнимъ мозаикомъ, представляющимъ богиню Изиду, окруженную двѣнадцатью мѣсяцами года, есть нѣсколько прекрасныхъ мраморныхъ гробницъ, изъ которыхъ на одной лежитъ статуя Томаса, графа Савой-

скаго; напротивъ олтара, на готическомъ бареліеѣ удивительной работы, скульпторъ изобразилъ со всею наивностію искусства пятнадцатаго столѣтія всю жизнь Іисуса Христа отъ рожденія его до самой смерти.

Всѣ эти зданія, не исключая развалинъ монастыря Святаго Франциска, патрона города, можно осмотрѣть въ два часа. По крайней мѣрѣ мы употребили на это не больше времени.

Возвратясь въ трактиръ, мы нашли извозчика, за которымъ послалъ хозяинъ во время нашего отсутствія. Онъ взялся довести насъ въ тотъ же день до Прэ-Сень-Дизіе, свалилъ насъ всѣхъ шестерыхъ въ свою карету, гдѣ и четверымъ было бы тѣсно, увѣряя что чѣмъ тѣнѣе тѣмъ лучше, заперъ дверцы, и будучи вѣренъ своему слову, не смотря на нашъ ропотъ и крики, не прежде остановился какъ въ трехъ миляхъ за Аостомъ, немного далѣе Вильнева.

Мы обязаны были этимъ минутнымъ отдыхомъ одному случайному обстоятельству. За восемь дней до того, лѣдяная

масса скатилась съ горы въ одно озеро, котораго названіе я такъ хорошо записалъ въ свою памятную книжку, что теперь не въ состояніи разобрать его; подняла въ пемъ воду на двѣнадцать или пятнадцать футовъ и вытѣснила ее изъ береговъ. Потокъ стремительно хлынулъ, проложилъ себѣ путь, снесъ скотный дворъ встрѣченный имъ на этой дорогѣ, потопилъ пятьдесятъ восемь коровъ, восемьдесятъ овецъ и четыре человѣка; ихъ изуродованные трупы нашли вдоль береговъ этой новой рѣки, которая пересѣкла большую дорогу и бросилась въ Дару. Изъ пней, досокъ и камней кой-какъ сдѣлали на скорую руку мостъ, черезъ который кондукторъ не рѣшался проѣхать съ нашею тяжело-нагруженною каретою, и мы, пользуясь этимъ случаемъ, поспѣшно выбрались на минуту изъ своей клѣтки.

Я думаю, что никакой картезіанецъ, трапистъ, дервишъ, факирь, живой феномень, рѣдкій звѣрь, котораго показываютъ за двѣ копейки, не ограниченъ до такой степени въ своемъ произволѣ, какъ несчастный путешественникъ въ

почтовой каретѣ. Только что онъ занялъ въ ней мѣсто, всѣ его желанія, потребности, воля, поступаютъ въ полное распоряженіе кондуктора, котораго онъ дѣлается такъ сказать собственностію. Воздуху даютъ ему не болѣе того, сколько въ обрѣзъ нужно чтобъ не задохнуться, есть ему позволяютъ ровно столько, сколько необходимо чтобъ довести его до мѣста живымъ. Не говорю уже о видахъ, живописныхъ мѣстахъ по дорогѣ, которыми онъ желалъ бы полюбоваться, о любопытныхъ предметахъ, которые онъ захотѣлъ бы осмотрѣть; въ городахъ, гдѣ есть почтовые станціи, ему не позволяютъ даже и заикнуться объ этомъ, подъ страхомъ оскорбленія отъ кондуктора; рѣшительно, публичныя кареты — превосходное изобрѣтеніе для купеческихъ прикащиковъ и чемодановъ.

Мы объявили обладателю нашего вентурино, что только четверо изъ насъ будутъ продолжать путь въ его машинѣ; а двое, въ числѣ которыхъ былъ и я, рѣшились пройти пѣшкомъ остальные восемь лье.

Мы пришли въ Прё-Сенъ-Дизіе поздно ночью и нашли тамъ нашихъ каретныхъ товарищей больше насъ утомленныхъ; мы условились на другой день перейти пѣшкомъ чрезъ малый Сенъ-Бернаръ.

По утру первый, кто изъ насъ проснулся, вскрикнулъ отъ удивленія и разбудилъ всѣхъ насъ своимъ восклицаніемъ: вчера, вступивъ въ городъ ночью, мы не могли составить себѣ никакого понятія о прелестномъ видѣ, который открывается изъ окошекъ трактира; а трактирщикъ, привыкшій къ нему, и не думалъ сказать намъ объ этомъ.

Мы опять были у подошвы Монъ-Блана, но уже съ другой стороны, противуположной Шамуни. Пять ледниковъ спускались съ снѣжнаго гребня нашего стараго пріятеля и заслонили собою горизонтъ какъ стѣною: это неожиданное зрѣлище, къ которому мы нисколько не были приготовлены, показалось намъ прелестнѣе всего, что только мы видѣли въ продолженіи нашего путешествія, не исключая даже и Шамуни.

Мы сошли спросить у хозяина названіе этихъ ледниковъ и никовъ; между тѣмъ какъ онъ намъ объяснялъ это, мимо насъ прошелъ охотникъ съ карабиномъ въ рукѣ и съ двумя козами на плечахъ: то были самецъ и самка; оба были убиты одною пулею, — выстрѣлъ достойный Ба-де-Кюсера.

Хозяинъ смекнувъ, что мы были изъ числа *любопытныхъ*, предложилъ показать намъ королевскія бани; такимъ образомъ мы узнали, что въ Прё-Сенъ-Дизіе есть минеральныя воды и тотчасъ приняли предложеніе хозяина, — что было очень неблагоразумно съ нашей стороны.

Тогда трактирщикъ повелъ насъ въ дрянной, обмазанный бѣлой глиной домишка, который мы должны были осмотрѣть съ чердака до погреба; онъ не пропустилъ намъ ни одной кастрюльки, ни одной банной губки. Слава Богу, думалъ я, наконецъ мы свободны! но на галереѣ злодѣй еще остановилъ насъ и показалъ гвоздь, на которомъ его величество удостоивалъ вѣшать свою шляпу.

Я обратился въ бѣгство, посылая ко

всѣмъ чертямъ короля Сардиніи, Кипра и Іерусалима. Мое восклицаніе естественно склонило разговоръ на политику, а какъ въ нашемъ обществѣ было четыре представителя различныхъ мнѣній, то и начался между нами споръ, который продолжался до самаго Бургъ-Сень-Мориса; онъ такъ сократилъ пройденныя нами восемь миль, что мы ихъ и не замѣтили. Тотъ, кто меньше естъ охрипъ, взялся позаботиться объ обѣдѣ.

Когда мы встали изъ за стола, оставалось еще четыре часа до вечера; мы растянулись въ двухъ тельжахъ, которыя чинно поѣхали съ нами и остановились не прежде одиннадцати часовъ у гостиницы Краснаго-Креста въ Мутье.

Въ этомъ городкѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ соляныхъ заводовъ; на другой день по утру мы пошли ихъ осматривать.

Заведеніе учреждено въ полторѣ миль отъ источника, изъ котораго извлекается соль: этотъ источникъ, выхода изъ земли, содержитъ въ себѣ полторы солевыхъ частей на сто такихъ же частей

воды. На пути къ заводу водяныя части испаряются и тѣмъ увеличивается порція соли у насоса, который поднимаетъ эту воду на высоту тридцати футовъ и разливаетъ ее на множество маленькихъ каналовъ, отъ куда она падаетъ на тысячи натянутыхъ веревокъ. Отъ этого чрезвычайнаго раздѣленія струй водяныя части испаряются гораздо сильнѣе, соль остается и наконецъ вода такъ сильно насыщается ею, что уже можетъ быть испаряема до-суха кипяченіемъ въ котлахъ.

Можнобы было прямо добывать соль вываркою воды, выходящей изъ самаго источника, но въ такомъ случаѣ издержки на сгораемый матеріалъ были бы гораздо значительнѣе.

Изъ сорока тысячъ килограмовъ соли, потребляемыхъ въ Савріи, съ этаго одного завода добывается до пятнадцати тысячъ килограмовъ; король продаетъ ее своимъ подданнымъ по шести су за фунтъ, между тѣмъ какъ въ Безѣ фунтъ соли, выработанный посредствомъ такого